

В.С. Серова

Татьяна ГРОМОВА, старший научный сотрудник Ульяновского областного краеведческого музея.

В БОРЬБЕ ЗА СВОИ ИДЕАЛЫ

Валентина Семеновна Серова, вдова известного композитора Александра Николаевича Серова, мать талантливого художника-портретиста Валентина Серова, стала первой в России женщиной-композитором, чьи оперы ставились на столичных сценах страны. Но на пике славы, в годину народного бедствия, оставив карьеру, столичные города, следуя идеалам народников, она отправилась в село Судосево Симбирской губернии, чтобы спасти от голодной смерти детей и взрослых, а потом долгие годы «сеяла» на этой земле «доброе и вечное».

Она родилась в Москве в 1846 году. Её отец Семен Яковлевич Бергман и мать Августина Карловна, урожденная Гудзон, имели в городе небольшой магазин колониальных товаров. Валентина была младшим ребёнком в семье, где кроме неё росли брат Александр и две сестры, Аделаида и Софья. Хотя семья не располагала излишним достатком, родители настояли на получении всеми детьми образования, не жалели на эти цели денег. Поступила в школу и Валентина Семёновна. С детства она отличалась решительным, упорным, строптивым характером и музыкальной одарённостью, что само по себе вызывало удивление, так как в семье не было культа музыки и даже песни в устах родителей звучали очень редко. Но в школе, где наряду с другими дисциплинами преподавали уроки музыки, у девочки обнаружили абсолютный слух, хорошую музыкальную память и любовь к импровизациям. Часами она просиживала за роялем, разучивая по нотам музыкальные пьесы, сонаты, фуги и другие произведения. Когда подросла, Русское музыкальное общество Москвы направило её в только что основанную Петербургскую консерваторию в качестве своей стипендиатки.

Столица империи удивила девушку. По сравнению с уютной патриархальной Москвой холодный, с громадами домов, величественный Петербург вызывал восхищение и некоторый страх. Но он рассеялся, как только девушка освоилась в демократичной студенческой среде. В начале 1860-х годов Петербург бурлил как разбуженный улей. В стране обсуждался вопрос об отмене крепостного права. Дух свободы витал повсюду и, прежде всего, в умах российской интеллигенции. Свободолюбивые идеи, стремление идти в народ, пробудить его для новой жизни, развивать его сознание, поднимать культурный уровень, чтобы преодолеть закоренелую народную отсталость – всё это волновало передовые слои общества и в первую очередь молодёжь.

Юная консерваторка Валентина Бергман тоже мечтала приносить людям пользу музыкальным искусством, но не знала, как это сделать. От сокурсников она услышала о публичных лекциях Александра Николаевича Серова, который жил напротив консерватории и слыл не только талантливым композитором, автором шумевшей оперы «Юдифь», но и остроумным, эрудированным музыкальным критиком, прогрессивно настроенным человеком, со своеобразными взглядами на цели и задачи искусства. Посетив несколько его лекций, послушав его оперу в Мариинском театре, Валентина Семёновна захотела познакомиться и поговорить с Серовым о мучающих её сомнениях и через друзей добилась у него приёма. После непродолжительной полушутливой беседы (Серов был на двадцать семь лет её старше и снисходительно поглядывал на юное дарование) о желании девушки стать композитором и просвещать музыкой простой народ, она по его просьбе сыграла наизусть фугу Баха, своего любимого композитора, как оказалось, и его тоже. Потом целый вечер играла ему, а он с удовольствием слушал, так как Валентина Бергман оказалась отличной пианисткой. Музыка сблизила их, и вскоре семнадцатилетняя Валентина Семёновна, несмотря на увещевания родителей, стала женой Серова, а в девятнадцать лет – матерью будущего художника Валентина Серова.

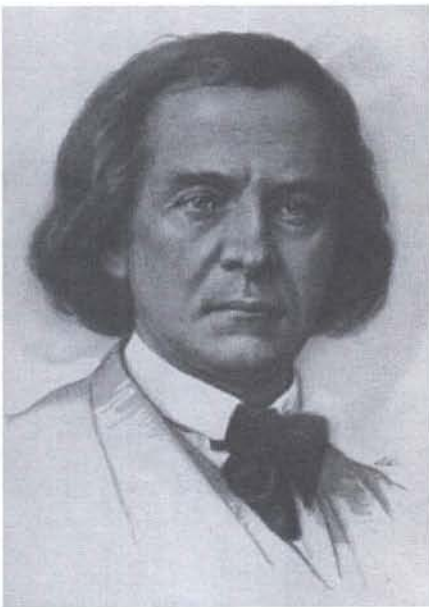
Сразу же её жизнь перестала ей принадлежать. Она растила сына, занималась хозяйством и во всём помогала мужу. В маленькой квартирке Серова весь уклад был подчинён его творчеству, она же, бросив по его настоянию консерваторию, зная три иностранных языка, переписывала ноты, переводила музыкальные статьи, слушала сочинённые мужем куски новой исторической оперы «Рогнеда» и лишь в его отсутствие садилась за рояль и играла, играла, играла...

Единственной отдушиной в её, как ей казалось, бесцветной жизни были приёмы, устраиваемые Серовыми по четвергам, на которые собирался весь цвет петербургской богемы и интеллигенции. И если

для музыкальных бесед гости группировались вокруг хозяина дома, то политические споры, обсуждение наболевших вопросов, таких, как создание в деревнях коммун в виде культурных центров для просвещения народа, велись на половине Валентины Семёновны, которая при небольшом росте «имела много дерзости и насмешки во взгляде и манерах».

Собственный путь

Так продолжалось до 20 января 1871 года, когда от сердечного приступа, не закончив работу над оперой «Вражья сила», умер Александр Николаевич Серов, и Валентине Семёновне пришлось заново пересмотреть всю свою жизнь и, чтобы обеспечить в дальнейшем себя и сына, наконец-то заняться своим музыкальным образованием. Поскольку отношения с российской консерваторией у неё испортились ещё при жизни мужа, для воплощения желаемого она решила поехать в Европу. И вскоре вместе с маленьким сыном отправилась в Германию, потом в Италию и Францию. В Россию мать и сын вернулись только в 1875 году.

А.Н. Серов

За четыре года Валентина Семёновна поднаторела в теории музыки, её сын Валентин нашёл себя в живописи, поразив прирождённым талантом Илью Репина, с которым они встретились в Париже и продолжали видеться по приезду домой в имении Саввы Мамонтова в Абрамцево. У него часто собиралось большое общество художников, музыкантов, литераторов. В то лето в имении жил ещё и студент-медик, репетитор сыновей Мамонтова Василий Иванович Немчинов. Он был на пять лет моложе Валентины Семёновны, но это не помешало им объединить свои судьбы. Общие взгляды и стремление служить народу было главным в их отношениях. Два года они жили в Киеве, но в 1878 году Немчинов, состоявший в группе «Земля и воля», был арестован и сослан в Центральную Россию, а

Валентина Семёновна с двумя детьми вернулась в Петербург.

Там её ждали дела, связанные с сохранением наследия Александра Николаевича Серова, а также желание применить свои музыкальные знания, полученные за границей. Начатая опера «Уриэль Акоста» на сюжет драмы немецкого поэта Карла Гудкова, несмотря на захватившую её тему, не продвигалась. Герой оперы – голландский еврей, как и она, во главу своей жизни ставил служение народу и его просвещение. У неё же с этим как раз и не ладилось. Она была в отчаянии и понимала, что пришло время на что-то решаться. В конце 1880 года, отправив младших детей к родственнице в Ялту, определив сына Валентина в Академию художеств, сама уехала в деревню Сябринцы Новгородской губернии, чтобы целиком отдаться тому, к чему стремилась её душа. В новгородской глуши она создавала крестьянские хоры, попутно знакомила крестьян с русской

музыкальной культурой. Там она закончила оперу «Уриэль Акоста» и в апреле 1885 года добилась постановки её на сцене Большого театра. Её не остановили ни разлука с детьми, ни смерть в Киеве в 1884 году вернувшегося из ссылки Немчинова. Одержимая идеей, она шаг за шагом шла к своей цели.

На борьбу с голодом

Стечение многих природных факторов в первой половине 1891 года: бесснежная с сильными морозами зима, отсутствие весеннего половодья, отразившегося на состоянии заливных лугов, засушливая, холодная и ветреная весна, жаркое лето с засухами – стали причиной неурожая в 1892 году и, как следствие, страшного голода, давно уже не случавшегося в подобных масштабах в России. Голод, охвативший семнадцать губерний, включая все губернии Среднего Поволжья, продолжился и в следующем, 1893 году. От него пострадало более тридцати миллионов человек.

Чтобы избежать страшных последствий неурожая и голода, правительство в срочном порядке приступило к организации помощи населению через губернские земства. Но масштабы бедствия оказались столь велики, что правительственной поддержки было недостаточно. На помощь голодающей деревне устремилась масса добровольцев из среды российской интеллигенции. Они оказывали людям медицинскую и финансовую помощь, открывали пункты раздачи продовольствия и бесплатные столовые.

Среди тех, кто первым откликнулся на народное бедствие, была и Валентина Семёновна Серова. Долго не раздумывая, она приступила к сбору средств в пользу голодающих, а затем, передав сыну подписной лист, сама отправилась ко Льву Толстому изучать его опыт организации общественных столовых для крестьян в селе Бегичевка Рязанской губернии. Когда средств набралось достаточно, Валентина Семёновна отправилась в Симбирскую губернию, в Карсунский уезд.

Её приезд не остался незамеченным. Карсунский дворянин Александр Петрович Родионов записал в дневнике: «В Березники приехали благотворители. Сначала купец-миллионер Сибиряков привёз груз посредством врача С., потом две женщины, одна вдова композитора, автора «Рогнеды» Серова, вторая Винтер – нигилистки. Винтер – жена какого-то прапорщика, стриженная, в огромных синих очках».

Из волостного центра села Большие Березники Валентина Семёновна уехала в небольшое село Судосево, где голод особо свирепствовал. Оттуда писала родным: «<...> Встаю в 5 часов и привожу в порядок список лиц, обедающих. У меня 100 ребят должны столоваться и 15 стариков. <...> В шести верстах мною уже открыта маленькая столовая в

25 душ. Туда я два раза в неделю отвожу учителю провизию. В 12 верстах поеду сама открывать столовую в 50 душ. Сама проживу недельки две в одном месте. Поищу человека, который будет следить за ходом дела и поеду в другую местность <...> ребята крохотные здесь доведены до крайней степени запущения: зелёные, с толстыми животами, грязные, больные... Хочу взять 25 человек на воспитание и 5 девочек для ухода за ними. <...> Я бодрa, здорова и деятельна, как никогда ещё не была».

Кроме столовых в сёлах Судосево, Языково, Давыдово, она открывала ясли, чтобы освободить работающих на жатве матерей, оказывала медицинскую помощь больным.

Посетивший её летом того же года Валентин Серов, писал жене: «<...> Маму мы застали в превосходном виде, как наружном, так и внутреннем, то есть душевном. Действительно, столько труда устала она на деревню свою Судосево, так толково всё устроила, что работа эта не может не радовать её. Живёт она, как всегда, в крошечной комнатке с одной чудесной старой девой. В ней она только отдыхает, больше на воздухе – либо толкует с крестьянами, которые пришли за делом к ней, а главное – в столовой. Столовая прекрасная, разумная. Помощники – школьники, ведут дело отлично и порядково».

Помощь оказана действительно большая как этому селу, так и соседним. Вид народ имеет хороший, дети в особенности. <...> Да, цель этого дела и доверие со стороны народа привлекает и увлекает очень, настолько, что если бы я счёл нужным отдался этому делу, то, пожалуй, отдался бы ему почти так же ретиво, как и мама». Приезды сына и его поддержка ободряли Валентину Семёновну, а художник находил вдохновение, наблюдая скромную природу российской глубинки.

Возможно, на одной из своих акварелей, где изображена русская деревня, Валентин Серов запечатлел именно Судосево.

От борьбы с голодом – к борьбе с темнотой и забитостью

Спустя два года, когда голод пошёл на спад, Валентина Семёновна, оставаясь всё в том же Судосево, приступила к воплощению своей давней мечты. Она привезла рояль, книги, ноты и всё, что нужно для эстетического образования крестьян, и начала открывать в соседних сёлах одну за другой школы, где наряду с грамотой приглашённые учителя под её руководством приобщали детей к музыкальному и театральному искусству. В самом Судосево подвизница создала труппу из крестьян, собрав в неё около сорока человек, репетируя с

Валентин Серов в возрасте 8 лет

ними оперные спектакли по несколько часов в день. «Никогда не надоедали им, актёрам, ни моя придиричивость, ни воркотня, ни строгие выговоры, без которых не обходилась ни одна постановка новой пьесы», – вспоминала Серова. С ними она разучивала сцены из «Рогнеды», «Хованщины», «Вражьей силы» и других оперных спектаклей, музыкальные произведения Глинки, Чайковского, Римского-Корсакова. В одном из писем к сестре Валентина Семёновна сообщала: «У меня прошли два спектакля «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»), и, хотя народ был восстановлен против театра (особенно старики), я их убедилась вполне чудесным исполнением и блестящей постановкой (у меня костюмы из Самары – богатые) <...> Я в восторге и от того, что театр устроили по моему плану, по моему вкусу, что народ отнёсся хорошо и что моя идея: народ будет петь наши русские оперы – живёт». Часто спектакли показывали прямо под открытым небом, на импровизированной сцене, сколоченной из досок. Постепенно крестьяне увлеклись постановками и уже валом валили на них. «Что спектакли нравились народу, – писала Серова позже, – тому служит доказательством постоянная просьба с их стороны повторить представление и громкое спасибо по окончании его. Для своего удовольствия он не жалеет ни ног своих, ни времени, ни лошаденки – хоть даже в рабочую пору».

Позже она ездила со своей группой в Симбирск, Пензу и другие поволжские города. А с 1896 года устройство хоров перенесла и в Самарскую губернию.

За её деятельность пристально следили дворяне Карсунского уезда, и не у всех она находила понимание. Всё тот же А.П. Родионов не забывал её в своих дневниках:

«Протоиерей Карсунского собора Стефан Филиппович Зефирин рассказывал, что явилась к нему вдова композитора Серова с просьбой дозволить ей, во-первых: открыть шесть-семь школ около Судосева и, во-вторых, произвести её попечительницей над этими школами, и, в-третьих, признать поставленных ею учителей в этих школах!!! Оказывается, что Серова не православная, а протестантка! Когда ей об этом сказал Зефирин, то Серова сказала: что она, получая от щедрот царских пенсию за заслуги мужа (3000 руб.), считает эти деньги принадлежащими народу. <...> Потому, употребив

свои средства на помощь народу в голодные годы (1891 – 1892), находит, что лучшую помощь она окажет ему, если займётся его образованием <...>, что хотя она протестантка, но сумеет дать детям православность религиозного направления. С этим доводом Зефирин не согласился, зная, что Серова и во время помощи голодающим находилась под надзором полиции, отказал ей в праве открывать приходские школы около Судосева. Но !!! Серова всё-таки сделала по-своему, так как школы без всякого дозволения открыла, назначила своих учителей и провозгласила себя попечительницей этих школ. Спрашивается, кто справится с этой госпожой?».

Валентин Серов. Автопортрет

О том, что за Серовой ведётся надзор, в губернии знали все.

«<...> Губернатор Акинфов учредил за Серовой строгий и негласный надзор, так как об ней ходят слухи, что она имеет дурное влияние на местных крестьян. Несмотря на надзор за нею и неудавшееся намерение заведовать шестью школами Серова всё-таки не удалось «выжить» из уезда... и она продолжает (тайком) собирать у себя девочек и <...> «наставлять» их по-своему <...>», – сетовал А.П. Родионов.

Но не все так негативно были настроены по отношению к Валентине Семёновне. В 1898 году ей была объявлена благодарность губернского епархиального начальства «за пожертвования и личный труд по изысканию средств

на постройку храма в селе Городищи Карсунского уезда». Большие суммы денег тратились ею и на содержание Народного театра. В том же году Серовой удалось выстроить в Судосево его здание. Оно представляло собой длинное сооружение, состоящее из трёх составленных вместе изб. В одной из них она сделала зрительный зал, в средней избе – сцену, а в крайней задней избе – гримёрные и костюмерные

В. Серов. «Деревня на воде»

для актёров. В помещении зрительного зала стояли ряды скамеек, расположенных амфитеатром на возвышениях. Сцена театра была небольшой, от зрителей её отделяли простенькие ситцевые занавеси. Перед сценой Серова поставила рояль, корпус которого из-за тесноты помещения пришлось задвинуть под пол сцены так, чтобы открытой оставалась только клавиатура, расположенная около рампы. Во время спектакля Валентина Семёновна

сама аккомпанировала пению и дирижировала хором и солистами. Сценическая обстановка, как видим, была самая скромная, но вполне удовлетворяла

невзыскательной крестьянской публике. Очень оригинальными и живописными были костюмы исполнителей, хотя Серова использовала для них самые обыденные вещи из домашнего обихода. На актёрах можно было увидеть обычный гуттаперчевый плащ, большую медную бляху от конского хомута, старинный платок, шитый серебром кокошник из бабушкиного сундука, а в руках воина обычный ухват, позолоченные концы которого выглядели полумесяцем. *«Изобилие золотой и серебряной бумаги, фольги на костюмах бояр и воинов при освещении магнием в эффектных местах скрадывает от зрителей дешёвизну материала костюмов и их недостатки»*, – отмечал побывавший на одном из спектаклей корреспондент «Нового времени». Оперные спектакли Серовой посещали не только судосевские крестьяне. В январе 1898 года Валентина Семёновна пригласила на постановку оперы «Князь Игорь» в исполнении судосевских артистов из крестьян местную интеллигенцию из соседнего крупного села Большие Березники. Несмотря на метель, приглашённых собралось около 50 человек. Присутствовали семейства удельных чиновников, управляющие имений, учителя, священнослужители – спектакль удался на славу!

Выступления проходили изредка и в Симбирске. Так, воскресенье, 20 февраля 1900 года, в доме Симбирского общественного собрания Валентина Семёновна поставила оперу А.Н. Серова «Рогнеда» в исполнении крестьян Судосева. На спектакле она, как обычно, аккомпанировала на рояле исполнителям. Газета «Симбирские губернские ведомости» сообщила: «Большой зал собрания был буквально переполнен публикой, которая шумными аплодисментами встретила В.С. Серову, а также аплодировали после каждого действия исполнителям». По окончании спектакля публике раздавалось стихотворение местного автора, написанное им в память о композиторе А.Н. Серове. Газета разместила это «курьёзное, поэтическое стихотворение»:

«Уж много лет с тех пор промчалось,
Когда в осенний день (А.Н. Серов ум. 20.01.1871)
В пространство вечности умчалась
Серова доблестная тень.
Внезапной смертью слишком рано
Был прерван лучший труд его
Где силу он вложил титана
И мощь таланта своего!
Но гений смерть не погубила
И появилась «Вражья сила»
На русской сцене, наконец!».

Автор статьи, подписавшийся псевдонимом «Немо», хотя и увидел недочёты в исполнении оперы, но воздержался от критической оценки «Рогнеды», главным образом потому, что понимал, сколько надо было положить труда, энергии, иметь при этом солидное музыкальное образование, чтобы поставить оперу с крестьянами, хотя бы даже так, как исполнялась она в тот день.

С 1891 по 1901 годы на благотворительные цели только в Симбирской губернии Серова истратила тридцать шесть тысяч рублей! Поставила шестнадцать театральных представлений и опер. Открыла пять школ, три библиотеки, подготовила двадцать одного регента из крестьян и пятнадцать учителей.

И всё же в 1902 году преследуемая полицией, Валентина Семёновна была вынуждена уехать из Судосева, хотя и продолжала изредка туда наведываться.

Но даже в её отсутствие жандармское управление не оставляло в покое преданных ей людей. В апреле 1904 года по указу департамента полиции начальник Симбирского губернского жандармского управления дал задание карсунскому унтер-офицеру Китаеву – собрать сведения о Серовой и о тех, с кем она поддерживает знакомства в Карсунском уезде. В донесении 23 апреля Китаев сообщал: *«Относительно Серовой выяснилось, что она бывает дома очень редко, круг знакомых её: Багрянский, Корибут-Дашкевич, Покровский и Яковицкий. Как выяснилось, каких-либо преступных изданий она в народе не распространяет. Что касается книг Льва Толстого, то таковые через своих учителей (ставленников) давались читать, а именно, как нам заявил лично смотритель Удельного ведомства запасной унтер-офицер Леонид Павлович Столыпин, что получал от учителя села Муравьёвки Инсарского уезда Пензенской губернии И.В. Алтынова роман «Воскресенье» и другие три книги, названия которых не указал. Кроме того, крестьянин села Судосева Степан Мартынович Емелин сказал, что в чайной слушал лекцию Елизаветы Оринишкиной о заграничном быте»*. Упомянутая чайная была открыта в своё время на средства Серовой в её доме как культурное учреждение вроде избы-читальни для просвещения местных крестьян.

Спустя две недели, Китаев дал более пространное объяснение: *«Состоящая под негласным наблюдением Валентина Семёновна Серова, вдова композитор, как видно из дел управления и по собранным сведениям, наезжала в Судосево в 1891 году жить только временно, а в последние годы приезжает изредка туда и большей частью проживает в Москве. Она ярая последовательница ученья графа Льва Толстого, в политическом отношении неблагоприятна и, безусловно, имеет вредное влияние на крестьян села Судосево и других сёл, в которых учителями сельских школ состоят её ставленники, получающие от неё содержание. Но только, как женщина умная, хитрая и осторожная, действует так тонко, что пока нельзя уличить её в чём-либо предосудительном. В Судосево она пользуется любовью и доверием крестьянского населения, в силу того, что во время голода помогала нуждающимся, затем учила крестьянских детей грамоте и пению, даже, из своих учеников образовала капеллу, с которой разъезжала по городам и давала оперу «Рогнеду». В ноябре 1903 года у неё был произведён в селе Судосево самый тщательный обыск, но ничего преступного не обнаружено. Указаний, что она распространяла в народе какие-либо преступные издания, не имеется, но вместе с тем выяснено, что она раздавала крестьянам читать сочинения графа Льва Толстого, как например, роман «Воскресенье» и другие»*.

С ней как с личностью интеллигентной и пользующейся популярностью в своём околотке ведут знакомство Багрянский и Корибут-Дашкевич. Остальные вышеуказанные лица у неё не бывают и даже относятся к ней недоброжелательно». Под «вышеуказанными лицами» в секретном донесе-

нии Китаева значились жители Карсунского уезда: князь Александр Николаевич Гагарин, дворяне Иван и Владимир Петровичи Рютчи, мещане Пётр Алексеевич Покровский, Григорий Аверьянович Поляков, Михаил Дмитриевич Петрянин, Сергей Поликарпович Яковицкий.

Между двух революций

В 1905 году, вновь обосновавшись в Москве, Валентина Семёновна с головой ушла в общественную деятельность. Она организовывала питание для бастующих, руководила организацией передвижной «народной консерватории» для рабочих подмосковных заводов, занималась творчеством, писала воспоминания, статьи и переводы. В письме к знакомой она уверяла: *«Я нашла здесь столько преданности, столько искренней горячей дружбы, что выношу эту трудную, полную лишения жизнь с отвагой и даже с удовольствием. Я не замечаю, как дни уходят, я вечно на народе, ловлю малейшее проявление его доброго отношения ко мне с благодарностью и с какой-то «бешеной» готовностью помочь во что бы то ни стало. И помогу!»*. На неутомимость её характера указывает и внучка Валентины Семёновны Т.К. Корчагина: *«Сидеть сложа руки, слушать светскую болтовню, заниматься нарядами и устройством своего собственного уюта бабушка не умела. Везде и всюду, при любых обстоятельствах она изыскивала себе дело и сразу же принималась за него,*

вкладывая в это излюбленное дело всю страсть своего непоседливого характера».

Деревня и крестьянство вроде бы отошли на второй план, но оттуда до неё доходили нерадостные вести – лучшая часть хора была отправлена в Туруханский край на пять лет. Узнав об этом, Валентина Семёновна пережила сильное потрясение, тогда же у неё случился и первый инсульт, в результате которого отнялась рука. Но когда в 1918 году её пригласили друзья из Судосева, она поехала туда, прихватив библиотеку в дар деревне, исполненная радостью от возможности «перед смертью увидеть свободное Судосево», ощутить «законченность круга жизни», думая, что едет туда в последний раз.

Судьба же оказалась к ней более щедра. В 1921 – 1922 годы голод снова пришёл в Поволжье, и подвижница после второго инсульта опять едет в Судосево, затем в Симбирск. Перенеся третий инсульт, потеряв способность двигаться, по распоряжению наркома просвещения А.В. Луначарского она была эвакуирована из Симбирска в Москву.

Через два года, в июне 1924 года в возрасте 78 лет Валентины Семёновны Серовой не стало.

Стойкость этой маленькой женщины вызывает восхищение и поныне. Жизнь не баловала её, она пережила утрату дорогих ей людей, включая сына, умершего в 1911 году, но не сдалась под ударами судьбы, а, преодолевая недуг, до конца продолжала идти к своей цели – беззаветному служению людям.

